

СЕРГЕЙ ЮРОВ

*УБИЙСТВО
НА ДВОРЯНСКОЙ*

16+

Сергей Юров

Убийство на Дворянской

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Юров С.

Убийство на Дворянской / С. Юров — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В тихом курортном Петродаре происходит череда таинственных убийств. Громко заявляют о себе заезжие мошенники. Горожане шокированы, но в них теплится надежда, что убийца будет изобличен, а гастролеров схватят с поличным. Ведь расследование поручено вести штабс-ротмистру Хитрово-Квашнину, в послужном списке которого несколько трехлетий в должности капитан-исправника. Он умеет логически мыслить, находить скрытые мотивы и выводить злодеев на чистую воду.

© Юров С., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Сергей Юров

Убийство на Дворянской

ГЛАВА 1

Отставной штабс-ротмистр Хитрово-Квашнин вышел на крыльцо своего каменного особняка и хозяйским оком окинул поджидавший экипаж. То, что он увидел, его вполне удовлетворило. Упряжь коренника и пристяжной была в порядке, втулки шинованных колес в меру смазаны березовым дегтем, кузов полукрытой брички, недавно окрашенный и отлакированный, выглядел как новый. Сидевший на козлах белобрысый крепкий молодец в сером щегольском кафтане и широких полосатых штанах, заправленных в сапоги, едва сдерживал солового и чубарого, нетерпеливо пофыркивавших и перебиравших копытами.

– Бричку закладывать ты мастер, Митрофан, – похвалил дворянин кучера.

– Рад служить, барин! – громко отозвался тот, поигрывая вожжами. – Только, знаете, после вчерашнего выезда в поля передняя ось прогнулась у сердечника. Не сломалась бы.

– До Петродара дотянет? Как полагаешь?

– Дотянет, если не гнать лошадок.

– Ну, собственно, мы и не станем слишком погонять их. А в Петродаре заедем к каретнику Неверову. Как-то заглянул в его мастерскую. И чего только в ней нет: кузова бричек, колясок, карет, дрожки, зимние санки, колеса, оси передние и задние, а что до хомутов, подпруг, поводьев, вожжей и уздечек с удилами, то этого добра видимо-невидимо... Санки обязательно у него до зимы прикупим, чтоб было на чем ездить по заснеженному Петродару.

Хозяин имения взглянул на провожающих, камердинера Ерофея и дворецкого Никифора. Первый, одетый по моде прошлого столетия, седой и согбенный годами, служивший Хитрово-Квашниным с незапамятных пор, держал в руках дорожный саквояж и поеживался.

– Прохладно, батюшка Евстигней Харитоныч, вы бы накинули на себя шинелку, что ли.

– Конец мая, Ерофей, какая шинелка? – ухмыльнулся штабс-ротмистр. – Утро прохладное, не спорю, но к полудню солнце, поди, всю палить будет.

– На всякий случай, береженого Бог бережет.

Хитрово-Квашнин благодарно похлопал старика по плечу и перевел взгляд на пятидесятипятiletнего дворецкого, высокорослого, с длинным худым лицом, имевшего обширную лысину и пушистые полуседые бакенбарды.

– Никифор, что б с отделкой внутри к моему возвращению было закончено!

– Не извольте беспокоиться, Евстигней Харитоныч, – произнес дворецкий полубасом. – Сделаем. Дворовые у меня, сами знаете, не озорничают.

– Присядем-ка на дорожку, – предложил камердинер.

Все трое опустили на широкую лавку и помолчали. Барин смотрел на набалдашник трости, выполненный в виде головы легавой, и думал о предстоящем лете и связанном с ним заботах. «Слава Богу, с годовым запасом зерна и сена все в порядке! Кормов для скотины до новой травы вполне хватит... А забот немало, и за всем нужен присмотр. И за пашней, и за сенокосными лугами, и за лесом, чтоб не случилось самочинных порубок. Управляющего нанять, конечно, можно, ну да староста Архип всегда настороже. Этот и на пашне любую погрешность заметит, и за косцами на лугах проследит, и за лесными куртинками присмотрит. Забредет однодворческая корова на господское поле, Архип тут как тут, корову прогонит, а с ее хозяйина за потраву штраф возьмет. Чужой дровосек едва в куртинке топором стукнет, а Архип уж рядом, руки в боки, с суровым видом глаз шурит... Толковый мужик, только пьющий. Зачнет вино пить, неделю не просыхает. Тогда сын его старший, Артем, за барским хозяйством приглядывает...».

Вздохнув и ударив ладонями по коленям, барин поднялся, одернул синий двубортный мундир с малиновым нагрудником, украшенным орденом Св. Георгия, и разгладил синие панталоны с двойными малиновыми лампасами. Затем трижды перекрестился, сошел, опираясь на трость, с крыльца и сел в бричку. Камердинер с поклоном подал ему саквояж, сказав напоследок:

– Здесь бритвенные принадлежностями, смена белья, панталоны и нестроевой сюртук с жилеткой... Приятной дороги! Выбирайте в Петродаре домишко поважнее, что б с надежной крышей, теплыми полами да каминами. В нем ведь зимами вам жить. А то соседний барин, поручик Матякин, помните, из-за худых полов да каминов принужден был зимой бежать из города в имение.

– Присмотрю такой дом, чтоб был без изъянов, старина, – заверил хозяин, надвинув на лоб синюю уланскую фуражку с черным лакированным козырьком и расправив эполеты из белого гаруса. – Да, и не забуду купить тебе в «Лавке старины» купца Черномошенцева ботинки с бантами и большими пряжками.

– Много доволен, батюшка!

– Ну, трогай, Митрофан!

Кучер пониже надвинул картуз, расправил плечи и взмахнул в воздухе кнутом. Раздался короткий щелчок, колеса скрипнули и зашуршали по ярко-желтому песку подъездной аллеи. Бричка сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее покатила вперед. Верные слуги сошли с крыльца и крестя удалявшийся экипаж, провожали его глазами до тех пор, пока он не скрылся в ближней березовой рощице.

Через полчаса бричка выбралась на широкую дорогу, тянувшуюся из Усманского уезда, и неторопливо поехала в северо-западном направлении. Хитрово-Квашнин, покачиваясь на мягком сидении, лениво обзревал давно знакомые виды. Слева темнели широкие поля с перелесками Гардениных и Прибытковых, бывших воронежских купцов, влившихся в состав потомственного дворянства, справа проглядывала земля отставного прапорщика Кузьмина, сына усманского канцеляриста. До недавнего времени часть ее была в собственности подпоручицы Матякиной, распрощавшейся с жизнью в имении Отрада... Лидия Ивановна, добрейшая женщина, красавица, пала там от руки подлеца. Говорят, его уже нет на свете, что не удивительно – на сибирских рудниках долго не протянешь... За небольшим поворотом показались поля помещицы Козловой, по первому браку Писаревой, имевшей прибыльный свеклосахарный завод, а потом и сенатского регистратора Зацепина, потомка козловских подъячих, дальнего родственника Ардалиона Зацепина, деятельного участника расследования убийств в Отраде.

Дорога была накатанной, и вскоре бричка, миновав обширные владения однодворцев, въехала в смешанный лес. В нем приятно пахло хвоей и смолой. В вершинах деревьев щебетали золотисто-желтые иволги, где-то дудукали удоны. Лошади несли бричку, по привычке, легко, без всякого напряжения. Мимо проносились стволы сосен и берез, без конца тянулась молодая поросль подлеска. В весеннем лесу отставному штабс-ротмистру дышалось легко и свободно, думалось о хорошем. О предстоящей встрече с давним приятелем, занимавшим ныне пост полицмейстера, о визитах к знакомым дворянам, о покупке дома для проживания в зимнюю пору.

– Первым делом загляну на Евдокиевское кладбище, – вслух проговорил он. – А то ведь закружишься потом в делах да заботах!

– Это вы мне, барин? – обернулся Митрофан.

Штабс-ротмистр, молча, махнул рукой и снова ушел в свои мысли. Ему вспомнился выезд с соседними помещиками на охоту «в брызги», ранней весной, когда земля только-только сбросила с себя белое покрывало. Не успели доезжание отправить гончих в рощу по следу волка, как тот вырвался в поле. В момент на него спустили всех борзых, около пятнадцати особей. И пошла потеха! Затрубил рог, кони заржали, встали на дыбы и стремительно

рванули вперед. Охотники без устали секли их нагайками, гикали, вопили во всю мощь луженых глоток! А настигли и схватили зверя мои собачки! Соскочил я с лошади, да и покончил с ним точным ударом ножа под левую лопатку!.. О, есть, о чем вспомнить! Но, что сотворил тумак – помесь русака и беляка – с одной из лучших гончих Прибыткова! Та почти догнала косого, однако он, заметив впереди две березы, со всего маху нырнул в просвет между ними, собака же, не сумев оценить обстановку, прыгнула вслед и беспомощно застряла в просвете. Другой хитрован, рыжий лис, провел гарденинских гончих по-своему. Он так искусно петлял по зарослям и болотам, что те попросту потерялись – доезжачие смогли их обнаружить лишь на следующий день у границы Усманского уезда в рощице, принадлежащей отставному ротмистру и кавалеру Ярцеву.

А темному бору, казалось, не было края. Дорога то петляла, то делала крутой изгиб, то выпрямлялась на целую версту. И только спустя час показались первые признаки того, что лес кончается. Вокруг стало потихоньку светлеть, деревья редели, впереди проглянуло пасмурное небо. Вот, наконец, и выезд из бора! Бричка вырвалась на простор, проехала мимо южного конца Петродарского озера, свернула к крупному изгибу реки и через полверсты оказалась у паромной переправы.

До Харитоновки доходили слухи, что в начале апреля случилось большое половодье или водополь. Мощное наводнение не только затопило низкие берега, но и снесло, как уже не раз бывало, шаткий Диконский мост. До возведения новой переправы сообщение Петродара с левобережьем осуществлялось посредством лодок и парома.

Бричка притормозила у подobia постоялого двора с невзрачным амбаром и навесом для экипажей. Хитрово-Квашнин разрешил кучеру потолкаться среди желающих переправиться, а сам, оставшись в бричке, достал курительную трубку и стал неспешно набивать ее табаком, поглядывая в сторону крутого правого берега с разбросанными на нем хижинами жителей пригородной слободы. Некоторые дома, особенно в низинах, испытав напор весенней стихии, оставались стоять в полуразрушенном состоянии.

Возле постоялого двора толпились многочисленные крестьяне, сновали однодворцы. От их телег, груженных всякой всячиной, рябило в глазах. Были здесь и дворяне. Внимание владельца Харитоновки привлек худой, небольшого росточка человек в мундире штабс-капитана. Он мерил берег мелкими шажками и, постукивая арапником по сапогам, зло поглядывал на приближавшийся паром. Иногда с его губ слетали проклятия на польском языке.

– Пся крев! Холера ясна!.. Я покажу подлецу Егупову, как разговаривать с офицером!

Он посмотрел в сторону одного из навесов, где за столом на лавке расположилась группа полицейских служителей.

– Брандмейстер Романовский, вас зачем оторвали от пожарного дела? Вы вообще для чего здесь поставлены? Семечки щелкать да в карты играть!

– А то не знаете, Ануфрий Антоныч, – отозвался брандмейстер. – Для тишины и порядка.

– И это, по-вашему, порядок, сутками держать людей на берегу?

– Я что ли держу? Содержатель парома.

– Так скажите ему!

– Говорил уж, а он мне: «Мой паром, знаю, кого на него ставить. Взялся сдуру за переправу и терплю убытки».

– Убытки!.. Да твой Егупов – грабитель! Против таксы втрое берет!

«Видно, изрядно попортил кровь штабс-капитану этот Егупов», – подумалось Хитрово-Квашнину. С помощью английских серных спичек и кусочка наждачной бумаги он разжег трубку, несколько раз крепко затянулся и позвал к себе Митрофана.

– Ну, что, потолковал с крестьянами? Чьи они?

– Разные. Вельяминовские из Ивановки, абловские из Дубровки, усманские штабс-капитана Храповицкого, а, по большей части, сенявинские из Красной Горки и Малой Байгоры. Тот раздосадованный офицер, гуляющий с арапником у кромки воды, как раз с ними приехал.

– Это почему?

– Он управляющий сенявинским винокуренным заводом.

– Понятно.

– Не поладил с содержателем парома, и есть из-за чего. Сенявинские вторые сутки ждут переправы. Им не впервой терпеть притеснения и поборы содержателя. Неделю назад «его степенство» взял за перевоз в один конец с сенявинского крестьянина поросенка стоимостью сорок три копейки серебром, всего же за два конца – шестьдесят три копейки. А по таксе за лошадь в упряжке должно взиматься только десять копеек... Сенявинские рассказывают, двое овчинников из Серпуховского уезда простояли на берегу трое суток. Взял их все же на паром Егупов, но потребовал с одного за три повозки и шесть лошадей рубль пятнадцать копеек серебром, с другого за пять повозок и шестнадцать лошадей – чуть ли не три целковых. Но за всем тем, первого перевез после взятия денег на следующий день, второму же переправил лишь две повозки и девять лошадей, а остальное – только после того, как заполучил еще сорок три копейки...

Паром, между тем, тихо причалил к берегу. Началась разгрузка. Заправлял ею при помощи хватких работников среднего роста человек в темно-синей поддевке, серых панталонах и яловых сапогах. Когда люди, лошади и экипажи оказались на берегу, он повернулся лицом к постоялому двору и зычно крикнул:

– Погрузка!.. Абловские, готовься!

Послышались громкие возгласы, застучали копыта лошадей, заскрипели тележные оси. Хитрово-Квашнин поискал глазами штабс-капитана. Тот с крайне недовольным видом отделился от группы сенявинских крестьян и предстал перед главным паромщиком.

– Это переходит все границы! – бросил он, в гневе шевеля редкими усами и крепко сжимаемая арапник. – Сейчас наша очередь! Абловские – за нами.

– А позвольте мне знать, – спокойно ответил купец, поглаживая бороду. – Грузиться будут абловские. Попрошу не чинить помех!

– Нет, это ни на что не похоже! Черт знает что!.. Брандмейстер!

Романовский, облаченный темно-зеленый полукафтан и шаровары, нехотя показался из-под навеса.

– Иван Василич, незамедлительно примите меры, не то я за себя не ручаюсь! – в сильном раздражении проговорил Новицкий.

Стуча хромовыми сапогами по утопанному берегу, одной рукой придерживая блестящую бронзовую каску, другой – длинную шпагу на левом боку, брандмейстер подошел к Егупову и что-то сказал ему негромко.

– Какие притеснения? – вспылil купец. – Выдумали тоже! У меня своя очередь... Излишние деньги не брать?! А кто мне оплатит убытки?

– Ты, давай-ка тише, не то донесу полицмейстеру! И не токмо про притеснения, но и про незаконное содержание постоялого двора, сено и овес с коего продаются втридорога.

Прищулив глаза, Неверов упер руки в боки.

– Нечего здесь распоряжаться! Коллежский регистратор, а форсу-то этого сколько!.. Полицмейстером не страчайте, вывернемся!.. На паром кого хочу, того и поставлю. Очереди мне всякие нипочем!

Новицкий с руганью поднял арапник, и ударил бы купца, если бы брандмейстер не удержал его руку. А Егупов и не думал униматься.

– Что вы здесь плеточкой-то размахиваете?! – кричал он. – Только попробуйте ударить!.. Дворянин, понимаешь. Чины у нас одинаковые. Вы ничего не значите, как только поляк и такой же работник у Сенявина, как нанятые мной помощники для паромной переправы!

Хитрово-Квашнин не мог больше оставаться безучастным. Манеры паромщика, его развязность и нагловатость ему порядком наскучили. Спустившись с бички и опираясь на трость, он вплотную подошел к купцу, твердо взял его за локоть и тихо, но внятно произнес:

– Хватит бузить, любезный!

Взоры всех, кто находился на берегу, обратились на высокого широкоплечего офицера, имевшего темно-каштановые волосы, бакенбарды и усы. Нос с едва заметной горбинкой и волевой подбородок придавали его лицу выражение мужественности, говорили о наличии сильного характера. Егупов попытался высвободиться, но хватка штабс-ротмистра, забивавшего гвозди рукой, была железной.

– Пустите! – возопил купец. – Что это, в самом деле?

Один из паромщиков шагнул к нанимателю и что-то шепнул ему на ухо. Тот враз перестал дергаться.

– Господин Хитрово-Квашнин!.. Простите, не признал!.. Ох, локоть замлел!

Штабс-ротмистр хмыкнул и ослабил хватку.

– Будешь смирно себя вести?

– Воды не замучу!.. Только вы, ваша милость, тово... не говорите полицмейстеру.

Владелец Харитоновки отпустил руку купца и возвысил голос:

– Что б ты опять взялся за притеснения? Нет, уж, отвечать надо за свои поступки!

– Убытки, ваша милость...

– Довольно!.. Убытки ты уж давно все покрывал поборами... Кому очередь грузиться?

– Сенявинским, – вздохнул купец, поглаживая ноющий локоть. – И вам, как ветерану Отечественной войны и кавалеру... Господин штабс-капитан, попрошу на погрузку!

Новицкий смерил Егупова презрительным взглядом и коротко поклонился Хитрово-Квашнину.

– Позвольте представиться, штабс-капитан Новицкий Ануфрий Антонович. Управляющий винокуренным заводом полковника Ивана Григорьевича Сенявина.

Хозяин Харитоновки назвал свое имя. Через некоторое время, уже находясь на пароме со всеми крестьянами, лошадьми и груженными телегами, Новицкий говорил новому знакомому:

– Почти двое суток пришлось ждать переправы. Я только попенял Егупову, что берет лишние деньги, а он давай чинить притеснения. Если бы не вы, Евстигней Харитоныч, не знаю, чем бы все закончилось... У крестьян дел в Петродаре полно, вон на тех двух телегах двадцать восемь мешков медной монеты для оплаты государственных повинностей, у меня свои обязательства. По контракту, заключенному в Тамбовской казенной палате, везу в петродарские магазины две тысячи ведер полугарного вина и дюжину бочек спирта. Через неделю такое же количество вина и спирта повезу в Усмань, через две – в Козлов.

– Винокурение, надо признать, поставлено у Сенявина на широкую ногу, – сказал Хитрово-Квашнин. – Завод, кажется, стоит в селце Малая Байгора?

– Верно, в сорока семи верстах отсюда.

– Помню, заезжал я в те места, когда служил капитан-исправником. Винокуренный завод и тогда работал бесперебойно.

Пока дворяне в подобном ключе вели беседу, паром приблизился к правому берегу и плавно пристал к нему. Началась шумная разгрузка.

ГЛАВА 2

Распрошавшись на берегу с Новицким, Хитрово-Квашнин сел в бричку и приказал Митрофану ехать в город, до окраины которого было рукой подать. Не успел он выкурить полтрубки, как справа за пустырем показались первые низенькие деревянные домишки мещан с каменным фундаментом, тесовыми крышами и покосившимися заборами. Завиднелась на перекрестке Прогонной и Усманской и полосатая караульная будка со шлагбаумом, возле которой стоял, опершись на алебарду и повесив голову, высокий и сухопарый будочник из инвалидов солдат. От стука копыт солового и чубарого страж порядка встряхнулся, широко зевнул и подступил к самому краю дороги. Усмотрев в бричке офицера, он, выпрямившись, проделал алебардой что-то отдаленно похожее «на кра-ул!»

– Дремать изволил на посту, милейший? – заметил Хитрово-Квашнин с усмешкой.

– Никак нет, вашбродь! Где дремать, когда туды-сюды громыхают то из города, то с парома? Вон за вами цельный обоз тянется... Извольте сказать чин, имя, фамилию. – Инвалид вдруг вскинул брови и осклабился, показав ряд неровных пожелтевших от табака зубов. – А я вас признал, вы бывший капитан-исправник Хитрово-Квашнин!.. Извиняйте, по каким делам пожаловали в город? Багажу нет?

– По личным надобностям, из багажа один саквояж.

Будочник развернулся и побрел к сиявшему новизной шлагбауму. После череды неторопливых движений тонкий конец полосатого бревна пошел ввысь. Глядя на ветерана, которому было никак не меньше полувека, Хитрово-Квашнин с усмешкой вспомнил строки из стихотворения Пушкина:

*Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,*

То в кибитке, то в карете,

*То в телеге, то пешком?..
Иль чума меня подцепит,*

Иль мороз окостенит,

Иль мне в лоб шлагбаум влечит

Неповоротный инвалид.

– А если курьер случится, также будешь ноги волочить? – спросил он, когда пропахший табаком будочник вернулся к бричке.

– Э, не-ет! Узришь вдали фигуру с казенным листом в руке да на лихих лошадях, бежишь подымать шлагбаум так, словно тебя кто дубиной огрел!

– Хм-м... Все в порядке в околотке? Не шалят?

– Всякое бывает, – прохрипел будочник, нахмутив брови. – Пресекаем, ежели, например, безобразие или, будем говорить, озорничество...

Из питейного заведения, располагавшегося через дорогу в угловом доме мещанина Попова и называемого местными «последним трактиром у заставы», послышался пьяный голос, затянувший «Боже! вина, вина!»

– А это что? – Штабс-ротмистр указал подбородком на угловой дом.

– Штофная лавка. Попов торгует и в розницу в запечатанных штофах навынос, и распивочно. А песни орет усманский барин Соколов, в уездном суде с утра дом продал. Это его коляска стоит у входа. Слышу, крик в лавке, звон разбитых стаканов. Разбудил подчаска, а сам туды. Там пятеро сидят, двоих знаю, мещане Казьма Ключев и Степан Распопов, пиво пьют.

Трое неизвестных вино полугарное хлещут. Один из них песню заводит, да так громко, что уши закладывает. Говорю, это зачем такое здесь? По какому случаю дикий шум? Нам не дозволено допускать, коли ежели дебош!.. А песенник встает и хватает меня за грудки. Кто таков, говорит. Будочник? Иди, говорит, со своей жестяной алебардой к чертям собачьим! Я – Соколов, потомственный дворянин, мне не указывать!.. Что ж, мы, тово, не супротив, не смеем, ежели благородные. Кучер на улице мне и пояснил, что барин заехал в лавку, чтобы отметить выгодную сделку.

Хитрово-Квашнин кивнул словоохотливому будочнику и уж хотел было ехать дальше, как вдруг из штофной лавки выскочил посетитель и бегом припустил к шлагбауму. Остановившись перед инвалидом и указывая через плечо большим пальцем, он выпалил:

– Непорядок, служивый. Те двое усманскому барину втихую в стакан что-то подлили. Не иначе, дурману, крест святой!.. Ехать с ним куда-то собираются... Что ты на меня таращишься? Говорят тебе, злое дело затевается!

– погоди, Ключев, не части! – нахмурился будочник, потирая кончик длинного угреватого носа. – И дыши в сторону – несет как из бочки!.. Может, ты это спьяну, померещилось?.. Налакаются с утра, полсвета не видят!

В этот момент из штофной лавки вышли двое, ведя под руки третьего. Тот, едва держась на ногах, весело тянул:

– Пьяному рай!.. Жизнь мне прелестную, чашу не тесную, Боже, подай!..

– Э-э, ты смотри, как они его напоили! – хрипло проговорил будочник и гаркнул во все горло: – А ну-ка, оставьте барина в покое!.. Кому говорено?

Мошенники, услышав это, в мгновение ока обшарили пьяного и, выудив из его кармана бумажник, бросились к коляске. Скинув кучера с козел на землю, один из них, поменьше ростом и коренастее, взялся за вожжи, а другой, высокий и гибкий, разжившийся бумажником, бухнулся на сиденье. В следующую секунду экипаж рванулся по направлению к перекрестку. Будочник разбудил подчаска и, размахивая алебардой и изрыгая проклятия, потрусил вслед за ней.

– Митрофан, гони! – воскликнул Хитрово-Квашнин, указывая набалдашником трости на набирающий ход экипаж.

Лихой возница мастерски развернул лошадей и, выехав на другую сторону дороги, погнал бричку за коляской, уже поднимавшейся вверх по склону Прогонной. Все говорило о том, что начинается настоящая погоня. Но она, увы, продлилась недолго. Переднее колесо брички на повороте попало в глубокую выбоину, ось, затрещав, сломалась, и кузов сильно накренился вправо.

– Проклятье! – рывкнул штабс-ротмистр, соскочив на землю. – В самый неподходящий момент!

Коляска, запряженная парой гнедых, проехав по подъему несколько десятков саженей, круто свернула к Новобазарной площади и исчезла из вида. Будочник, махнув рукой, оставил бесполезное преследование и пошел назад. Встав рядом с Митрофаном над подвернувшимся под кузов колесом, он, тяжело дыша, стал в недоумении почесывать затылок.

– Все-таки не выдержала ось, – проворчал кучер, хмурясь и прикусывая нижнюю губу. – Тут такой выход ... если в бричку не садиться, а лошадей пустить шагом, то можно добраться на четырех колесах до каретной мастерской.

– Это на Площадной, у мещанина Игната Неверова, – выдохнул будочник, показав рукой в сторону Соляной площади. – Это такой умелец, что любому горю поможет. Голова!

Хитрово-Квашнин кивнул.

– Знаем, знаем... Что ж, Митрофан, берись за дело, я же подожду тебя возле караульной будки.

Кучер взял вожжи и, чмокая губами, стал понукать лошадей. Бричка вздрогнула, закрипела и тихо тронулась с места. Двигалась она в гору крайне медленно. Правое переднее колесо, вращаясь непостижимым образом, привлекало все внимание Митрофана.

– Доедет, – прохрипел будочник, все еще отдуваясь. – Ежели, тово, не наскочит на камень или яму.

Он вытер рукавом лоб и заковылял к подчаску, занятому проверкой тележного груза сеньявинских крестьян. Бросив последний взгляд на свой экипаж, Хитрово-Квашнин подошел к сидевшему на земле усманскому помещику, пьяно поводящему глазами и бормотающему какую-то чушь. Его он совершенно не знал, потому ограничился тем, что сказал кучеру:

– Подними барина и отведи в штофную лавку, пусть проспится. А сам беги к квартальному надзирателю... О случившемся я непременно доложу полицмейстеру.

У караульной будки штабс-ротмистра поджидал Новицкий с вопросительным выражением на лице.

– Что стряслось, Евстигней Харитоныч? Гляжу, вы за коляской мчитесь. Что это, думаю?

– Мошенники усманского помещика обчистили и укатили на его экипаже?

– Боже мой, с самого утра промышляют!

Пожелав еще раз управляющему крупнейшим в уезде винокуренным заводом всего хорошего, Хитрово-Квашнин подошел к караульной будке и из любопытства заглянул внутрь. Стол, табурет, широкая лавка для отдыха, вот и вся обстановка. Стол был усыпан хлебными крошками, кусочками яичной скорлупы, махоркой и трубочной золой. Пахло табаком, сальными свечами и квасом. Среди клочков всевозможных бумаг Хитрово-Квашнин увидел копию сообщения Петродарской городской полиции, гласившего: «Сего мая от 15-го числа о приведении состоящего при усманской будке шлагбаума в настоящую исправность, поелику оной близ заднего конца в самом том месте, где навешен был на железном болте в столбе, перегнивши, упал и переломился».

– Вот откуда новый шлагбаум! – пробормотал дворянин и вышел наружу.

От нечего делать он обратился к рассматриванию разного рода объявлений, наклеенных в беспорядке на стены караульной будки. Чернила на некоторых листках под воздействием непогоды потускнели и надо было поднапрячь зрение, чтобы разобраться в написанном. Так, говорил себе под нос штабс-ротмистр, что мы здесь видим?.. На углу Площадной и Усманской продается обветшавший каменный дом купца Г.Е. Расторгуева, «состоящий во 2-й части в 81 квартале»... Хм-м, Григорий Расторгуев – брат покойных ныне Спиридона и Ивана Ефимовичей Расторгуевых, моих соседей, выслуживших потомственное дворянство на военной службе... И вот ведь судьба! Ни тот, ни другой не оставили после себя потомства!.. Это что? Помещица Осипова продает дворовую девку Арину, двадцати трех лет, трудолюбивую, послушную, доставшуюся ей по купчей от подпоручика Чернова, а тому – от поручика Иванова, а тому – от титулярного советника Петрова, а тому – от деда по материнской линии секунд-майора Муханова, и просит за нее ни много, ни мало сто рублей. Вот приглашение в Английский сад, где такого-то числа будет звучать духовой оркестр и пройдут гуляния с фейерверком... Здесь приглашение в библиотеку при курортной галерее для ознакомления с новыми поступлениями, в числе коих мартовские и апрельские книжки «Атенея», «Галатеи», «Московского телеграфа» и «Сына Отечества»... Так, а это что за анекдот? «Мещанин, тридцати лет от роду, воспитанный в православной вере, трезвого поведения, без излишних средств к существованию, но надеющийся получить от родителя тысячу рублей, желает сочетаться браком с иногородней купчихой»... Тут еще лучше: «Отставной унтер-офицер, выходец из купечества, поведет под венец и осчастливит девицу с собственным капиталом. Свадьба за счет невесты»...

– Писульки читаете? – раздался за спиной знакомый хриплый голос. – А мы с обозом управились, подчасок спать улегся, я же к вам... Не желаете присесть, вашбродь, чево стоять-то? В ногах правды нет.

Через минуту Хитрово-Квашнин сидел у будки на табурете, предаваясь курению. Будочник стоял рядом, набивая чашу своей простенькой трубки махоркой, выращенной на огородах местных однодворцев.

– Квартальному, поди, не нравится, что вся будка в объявлениях? – проговорил дворянин. – Как тебя?

– Бессрочно-отпускной солдат Неклюдов, вашбродь!.. Еще как! Квартальным у нас прапорщик Горлов. Придет, гвалт подымет, мол, опять бумажные лоскутки на ветру колыхаются, дескать, куды смотрим! А нам, што делать? Говоришь наклейщикам, шельмам этим, нельзя, не положено, ступайте к городским тумбам, а они все одно, клеят да клеят. И ладно бы, сурьезное што, об курорте там или об переторжке домов да имущества, так нет, норовят всякую дрянь нацепить. Вот хошь бы энтот унтер, гол как сокол, а подавай ему, вишь ты, девицу с капиталом!

– Ну, оклейщики, видимо, благодарят, копейку несут... Как, вообще, служба, рядовой Неклюдов? Будочники в народе не в чести. Вас обвиняют в сообщничестве с ворами, хранении награбленных вещей, скупке краденных золотых и серебряных изделий, незаконной продаже вина. Говорят, вздохнуть людям не даете, каждый день тащите за шиворот к квартальному ни в чем не повинных.

Отставной солдат нахмурился и, сдунув со щеки надоедливую муху, прохрипел:

– Наговоры одни, чево там. Я, к примеру, двух воров в каталажку свел, грабителя схватил, конокрада прищучил... Какие-то награбленные вещи, продажу вина придумали... Ежели я, что и продаю, то табак нюхательный, местный, забористый. Сижу в будке да перетираю... А про притеснения ни в чем не повинных, я вот как скажу. Нечего людям песни орать и толпой собираться! От этого шум происходит, дебоши! Мне все равно, ково хватать за шиворот, лишь бы тишину блюсти, порядок. Нет документа – на съезжую! Я не допускаю, ежели без виду. Потому до беды недалеко, до дебошу. Нешто можно позволять, чтоб народ волю имел? Мещане разные да однодворцы глупы, пробки дубовые, ничево не понимают. И ежели я их учу, алебардой охаживаю, за шиворот к квартальному волоку, то по делу, для них же польза. Без этова, вашбродь, невозможно. Посидит, будем говорить, раз-другой в холодной, покумекает, глядишь, набрался уму-разуму. Народ не должен безобразить, потому ущерб для города. Я не терплю этова, ни Боже мой!..

Долго будочник поверял душу дворянину, вспоминая случаи задержания подозрительных лиц, «людей без вида», пьяниц, весельчаков. До тех пор, пока Митрофан не подогнал к караульной будке бричку с новой передней осью. Хитрово-Квашнин распрощался с суровым инвалидом, забрался на сиденье и приказал кучеру править к Евдокиевскому кладбищу. Не отъехал он от шлагбаума и тридцати сажений, как сквозь перестук копыт и колес до него донесся хриплый голос:

– Куды?.. Вам говорю, черти каторжные!.. У меня, что б тихо в штофной лавке! Не безобразить, не заводить дебошу!..

Бричка, покачиваясь, плавно катила по Усманской. Слева тянулись усадьбы восьмидесятого квартала, справа восемьдесят первого. Остался позади дом купца Василия Комарова, торговца мясом, женившегося первым браком на дочери брата городского головы, Марфе Голиковой. Проехали деревянные покои с садом, конюшней и каретным сараем стоимостью в 750 рублей серебром купца Дмитрия Неверова, дома торговцев Сулимских, Голиковых, Терпуговых. Миновали недавно построенную Покровскую церковь, стены которой мастерски расписал крепостной художник помещика Вельяминова, ветхий двухэтажный дом купца Расторгуева, о продаже коего упоминалось в «писульке» на стене караульной будки, пересечения Усманской улицы с Площадной и Базарной. Достигнув углового дома купца Ослина, бричка свернула на Воронежскую и, оставив справа Старобазарную площадь, а слева – Верхний пруд, поднялась по Соборному спуску и, следуя по Лебедянской, добралась до погоста. Он возник в самом начале века, став кладбищем соборного Христорождественского храма. На нем нашли послед-

ний приют представители многих дворянских фамилий, имевших отношение к Петродару и уезду.

Хитрово-Квашнин оставил бричку и, опираясь на трость, прошел через калитку на территорию кладбища, в центре которого высилась привлекательная Евдокиевская церковь. За незавершенной каменной оградой властвовала тишина. Ее нарушал лишь шорох прошлогодних листьев под ногами. Повсюду стояли гранитные и мраморные памятники с надгробными надписями и дубовые кресты с медными табличками. Одни эпитафии, написанные безыскусно и лаконично, не вызвали никаких чувств, другие пробирали до глубины души, как то: «Сильнее смерти только память», «И сердцу больно, и горю нет покоя», «Любимый человек не умирает, он с нами просто жить перестает». М-да... Где-то недалеко от входа был погребен генерал-майор Гаврила Ильич Бибилов, сражавшийся под началом великого Суворова с турками. Его сестра, Екатерина Ильинична, стала супругой не менее великого Светлейшего князя Михаила Илларионовича Кутузова! Отдыхая на здешних Водах, предводитель дворянства Богородского уезда умер 16 июня 1803 года. Потом его прах был перенесен в Москву, в Новодевичий монастырь... Здесь могила надворного советника Михаила Филипповича Прибыткова, отца моего соседа, поручика Филиппа Прибыткова... Тут место упокоения Анны Михайловны Матвеевской, урожденной Сумароковой, жены коллежского асессора Семена Ивановича Матвеевского. Владения ее родителя, премьер-майора Михаила Никифоровича Сумарокова, в свое время также соседствовали с нашей Харитоновкой. Почти рядом похоронен один из первых директоров здешнего курорта надворный советник Иван Павлович Рудановский, скончавшийся 29 июля 1812 года в возрасте 50 лет.

ГЛАВА 3

Хитрово-Квашнин миновал еще несколько захоронений и остановился перед двумя высокими крестами. Сняв с головы форменную уланскую фуражку, он тихо проговорил:

– Ну вот, наконец, и могилки деда и бабушки, секунд-майора Авксентия Евстафьевича Хитрово-Квашнина и Софьи Федоровны, урожденной Сеченовой... Бабушка ушла из жизни в конце марта 1817 года, а дед... дед – годом позже. Дубовые кресты, натурально, потемнели от времени, поросли снизу мхом, но стоят твердо!.. Что ж, мои славные, вот я и заглянул к вам. Всегда буду помнить, как вы любили меня и баловали в детстве, как хотели, чтобы у меня все сложилось в жизни, как холодными зимами мы дружно жили в доме на Дворянской, купленном у сенатского регистратора Зацепина. Его я перед отъездом в Нескучное продал дворянам Снежковым. Они и сейчас в нем хозяйничают, а не Беклемишевы, как ошибочно утверждал в Отраде штаб-лекарь Вайнгарт. Теперь вот пристала мне нужда купить в Петродаре новый дом. Буду по осени переезжать в город, а по весне возвращаться в Харитоновку... Давайте-ка, я приберусь у вас немного... Сколько цветов?! Их еще сажала моя Ирина Григорьевна, царствие ей небесное. Красоту эту, конечно, оставляю, а вот прошлогоднюю жухлую травку да разный сорняк сорву... Ну, вот, совсем другое дело!.. В Харитоновке, доложу вам, все порядке. На часть клада, обнаруженного в Отраде, выстроил дом лучше прежнего, каменный, с каменными же службами. Крестьян прибавилось, теперь их вместе с дворовыми почти двести душ... Земли предостаточно, излишек сдаю на долгосрочной основе однодворцам. Что еще?.. Ерофей, наш старый камердинер, слава Богу, живехонек, и прекрасно управляет со своими делами! Все просит купить ему ботинки с бантами и большими пряжками... Да, вот что, бабушка, внучка твоей подруги капитанши Хлусовой, Татьяна, связалась с каким-то усманским мещанином, под венец с ним пошла, ребенка родила. От дворянского воспитания и следа не осталось. Речь как у завязтой мещанки, целым днями на базаре, то зеленью, то семечками, то квасом торгует. Ведет нетрезвый образ жизни, бранится, опустила донельзя. Как-то поговорил с ней обо всем этом, но без пользы, встала в позу и давай винить во всех грехах дворянство... Говорю, а сам

думаю, зачем? Вы с небес-то все видите, все понимаете... Ну вот, пожалуй, и все. Пора мне, мои дорогие.

Хитрово-Квашнин трижды перекрестился и с поклоном произнес:

– Упокой, Господи, души усопших раб твоих!.. Прости им все согрешения вольные и невольные, не лиши их царствия небесного, вечная память, вечный покой!

По кладбищу пробежал ветерок, слегка коснувшийся лица штабс-ротмистра. «А, может, это дед и бабушка так сказали мне до свидания?» – подумалось ему.

Он в последний раз взглянул на могилы и тронулся к выходу. Вдруг где-то неподалеку послышался пьяный голос:

– Что ж, выпью за упокой твоей души, Ермолай Силыч... Враг ты мне, злодей, обидчик, а вот, хожу к тебе, поминаю.

Хитрово-Квашнину стало интересно, кому же так досадил покойник. Он прошел мимо покосившихся крестов, поросших темно-зеленым мхом, к могиле какого-то Е.С. Иванова с эпитафией на медной табличке: «Он честным был и службу нес исправно, умел он людям угодить, начальству же – подавно». Привалившись плечом к кресту, возле могильного холмика сидел тощий человек средних лет с небритым одутловатым лицом в измятой поношенной одежде и стоптанных ботинках. Из кармана его торчал початый стеклянный полуштоф, в руке была зажата оловянная кружка. Сделав основательный глоток, выпивоха вытер губы рукавом сюртука, повел головой и заметил подошедшего офицера.

– Здравия желаем, господин хороший! – улыбнулся он, отстранившись от креста и сев ровно. – Могилку родственника пришли провести?.. Благое дело! Я вот тоже к своему притащился, вечная память ему и царствие небесное.

– Вы, кажется, врагом его назвали.

Полупьяный посетитель кладбища пожал худыми плечами и ухмыльнулся.

– Враг и есть, коли судить по справедливости. Он мне двоюродным дядей доводится, в канцеляристах всю жизнь оттрубил. Ну, и меня к чернильному поприщу пристроил. Но лучше бы он этого не делал! За свою работу он с просителей не деньги брал, а полуштофы, и меня, бедолагу, научил. Спервоначалу оно ничего, весело, в подпитии-то. А вот потом... Он «честным был и службу нес исправно» только лет до сорока пяти, а потом довела его горькая до ручки. Спился, потерял человеческий облик. И я вот весь пред вами – без места, пьян, в рубище. Кому такой нужен?.. И во всем он виноват, Ермолай Силыч! Сам в трясины, и меня за собой потянул!.. Лиходей он, душегуб, а я вот, хожу к нему на могилу, поминаю... Выпьем за упокой души раба Божия Ермолая, господин хороший!.. Хоть он мне и враг, а надо... Не желаете? Ну, что ж, это ничего, а я выпью, почему ж не выпить?

– Не советуют поминать усопших водкой.

– Ну, их всех, советчиков, в болото!

Оставив бывшего канцеляриста прикладываться к кружке, Хитрово-Квашнин вернулся к своему экипажу и приказал Митрофану ехать обратно. Миновав особняк дворян Сальковых, постоянный двор мещан Чайковских, дома Дмитрия Терпугова и Никанора Пустовалова, квартального надзирателя Александра Горлова, канцеляристов Михайловского и Попова, бричка за несколько саженей до поворота на Дворянскую свернула направо и оказалась на Соборной площади, украшенной храмом с незавершенной колокольней. На ней-то и располагалась Управа благочиния, которой руководил полицмейстер.

Сойдя с брички и одернув мундир, украшенный орденом Святого Георгия, Хитрово-Квашнин поднялся по ступеням серого здания на каменное крыльцо.

– Начальник на месте? – осведомился он у высокого и жилистого дежурного унтер-офицера. – Или где-нибудь в городе?

– Здесь, вашбродь! – заверил тот густым полубасом. – Пожалуйста!

Дворянин, чуть прихрамывая, прошел по коридору и толкнул дверь, которую украшала табличка с надписью «полицмейстер П.Н. Меньшиков». Кабинет с неброскими серыми обоями был небольшим по размеру. На самом видном месте висел портрет государя, одну стену занимал подробный план города, другую от пола до потолка заслонял стеллаж с разными полицейскими делами и отчетами, у третьей стояли напольные часы и вешалка. Хозяин кабинета сидел за столом и что-то выводил гусиным пером на листе гербовой бумаги. Будучи ровесником штабс-ротмистра, в отставку он вышел в 1813 г. в чине капитана из Черниговского пехотного полка. Путь боевого офицера был отмечен орденами Св. Анны 3-й степени и Св. Владимира 4-й степени.

Хитрово-Квашнин тихо кашлянул. Меньшиков поднял голову, и в следующий момент его лицо с правильными чертами озарилось широкой и приятной улыбкой.

– Евстигней Харитоныч, дружище, какими судьбами?!

Встав из-за стола с распростертыми объятиями, он по русскому обычаю трижды расцеловал приятеля и усадил в мягкое кресло. Лист гербовой бумаги исчез со стола и, как по волшебству, на нем появилась бутылка Клико. Секунда, и откупоренное шампанское красиво вспенилось в бокалах.

– За встречу! – произнес полицмейстер, улыбаясь. Он был в зеленом мундире с блестящими пуговицами и красным воротником, обтягивающих суконных панталонах и ботфортах со шпорами. На левом боку его висела длинная шпага с фигурной рукоятью. – Не часто, друг мой, ты балуешь своим посещением, не часто... Когда был в последний раз?.. Нет, не упомяну... Это я в прошлом году заглянул в твою Харитоновку. Как там она? Как прошла весенняя охота, посевная?

Приятели знали друг друга с юных лет – секунд-майор Харитон Авксентьевич Хитрово-Квашнин по пути из Петродарского уезда в Можайскую округу не раз заезжал с семьей в рязанское имение товарища по оружию секунд-майора Николая Петровича Меньшикова. Выпив вина, гость поделился любопытными случаями из уездной помещичьей жизни, поинтересовался здоровьем супруги полицмейстера, Варвары Петровны, урожденной из калужских дворян Комарской.

– Ничего, Бог милует, на здоровье не жалуется, – улыбнулся Меньшиков. – Приобретаем потихоньку. В начале года купили на ее имя два огороженных усадебных места на Дворянской. Одно принадлежало штабс-ротмистру Сергею Павловичу Вельяминову, другое – ярловскому помещику Горелову.

– Хорошо знакомые мне места. Именно на них смотрели окна нашего дома.

– Так и есть, прямо напротив особняков Водошниковых и Снежковых. Мы уж взялись за строительство дома с флигелем.

– Поздравляю! Дай Бог, чтобы стройка закончилась как можно быстрее! Чтобы все задуманное свершилось!.. А как дела на службе?

– Да как? – вздохнул капитан, и улыбка постепенно сошла с его лица. – Одни заботы, тревожнения. Едва потушили третьего дня пожар на Лебедянской, как вчера загорелась лавка купца Шелихова на Новобазарной площади!.. Справились, конечно, но, сколько сил потрачено, нервов! Думал, сегодня обойдется, так нет! Едва зашел в канцелярию, слышу громкий крик: «Пожар на нижней мельнице!» Опять понесся вскачь мимо собора пожарный обоз с бочками воды и катушками с выкидными рукавами! Не надо никаких учебных тревог и проверок. Без усталости упражняемся! Скорость выезда к местам возгораний день ото дня лучше. Об отлове бродячих собак и уборке улиц, побочном занятии пожарных, ныне и речи нет, все они при деле, все, как один!

Сверх всего прочего, слежу за благоустройством города. К примеру, проезжаю недавно по Усманской, а на усадебном месте, где когда-то размещалось первое народное училище, черт знает что! Дикие развалины! Пишу ответственным лицам в магистрат: «Примите меры, стро-

ения, возведенные купцом Федором Лариным, пришел в ветхость, делают городу безобразие!» Поддействовало, зашевелились!.. Наблюдаю также за состоянием дорог, порядком в торговле, строительством богоугодных заведений. На мне искоренение нищенства и празднотания, взыскание долгов казне, надзор за правилами содержания трактиров, ресторанов и гостиниц. Отвожу квартиры под постой войск, присматриваю за частными приставами и квартальными надзирателями, чтоб радели о покое горожан и порядке...

– Паром тоже в твоём ведении? – прервал пространный отчет Хитрово-Квашнин.

– А как же! – сказал Меньшиков, разливая шампанское по бокалам.

– На нем-то я и перебрался через реку, но перед тем стал свидетелем любопытнейших событий.

И штабс-ротмистр, попивая вино, поведал приятелю о том, случилось на левом берегу.

– Ах, Егупов, ну, прохиндей! – качал головой тот. – Дерет с проезжающих три цены, постоянный двор завел с незаконной продажей сена и овса! Вот я покажу, стервецу!.. Постой, а что же Романовский?

– Собственно, слабоват он воевать с такими, как Егупов.

– Кого же туда поставить? – задумался Меньшиков, поглаживая локоть левой руки, простреленный на вылет в сражении под Витебском. – Кого поставить? Вот, на тебе, еще одна головная боль! Тут мошенники с самого утра покоя не дают, орудуют, а ты ломай голову над тем, как прижать подлецов паромщиков!.. В доме коллежского асессора Водошникова утренний чай не успел поспеть, а уж в кабинет хозяина вор наведалься. Не слыхал?.. А тут еще сюрприз. Только что, прямо перед твоим приездом, ко мне влетел посыльный от квартального надзирателя 2-й части Горлова. Докладывает, усманский помещик Соколов в штофной лавке на выезде из города так наакался с какими-то ушлыми субъектами, что те...

Хитрово-Квашнин снова перебил друга, заметив, что принял непосредственное участие в событиях на Усманской.

– Неужели?.. Вот так новость!

Штабс-ротмистр в деталях рассказал, как мошенники изъяли наличность у Соколова, как Митрофан погнал бричку за коляской, и как в самый неподходящий момент у нее сломалась ось.

– Хм-м... я уже отправил полицейских во главе с унтер-офицером Сериковым на поиски коляски и тех двух ушлых субъектов, – сказал Меньшиков, пригубив вина. – По словам кучера один из них высокий, субтильного телосложения, будто бы дворянин, другой поменьше ростом, смахивает не то на дворового, не то на мещанина... А ты, дружище, ничего не добавишь к их внешнему виду?

– К сожалению, немного. Они от меня находились на приличном расстоянии. Скажу только, что на том, что повыше были темный фрак и светлые панталоны, а на другом – темно-синий сюртук и темные панталоны в клетку. Фрачный мошенник и впрямь глядел дворянином.

– Черт возьми!.. А не тот ли это господин, что... Понимаешь, в то время, как вор орудовал в кабинете Водошникова, хозяина дома отвлекал разговорами о живописных картинах высокий худощавый дворянин в черном фраке и светлых панталонах! Говорят, учтивый, вежливый, обходительный...

Меньшиков хотел еще что-то сказать, но послышался стук в дверь.

– Ну! – резко бросил он, оборотившись к входу.

Посетителем оказался грузный человек с полным обветренным лицом, заросшим густой полуседой бородой. Одетый в присборенный сзади кафтан насыщенного синего цвета и штаны в полоску, он тяжело дышал и прикладывал трясущейся рукой большой носовой платок к затылку. В серо-зеленых глазах его отчетливо читались страх и неуверенность.

– Купец Раков, – шепнул полицмейстер Хитрово-Квашнину и посмотрел на торговца. – Что это с тобой, Степан Иванович? Трясешься, будто в лихорадке!

– Ох, Павел Николаич, отец родной, беда! – сказал, чуть не плача, купец, сняв с головы картуз.

– Да ты присядь!

– Некогда рассиживать... Вчера надо было дурню старому, голове садовой, идти в полицию, а я в самый последний момент и приперся... Все прикидывал, гадал, бестолочь!

– Да в чем же дело? Объясни, наконец.

– Вчера вечером перед отходом ко сну мне письмо подбросили, Павел Николаич. Да что рассказывать, вот, читайте!

Купец порылся в карманах, достав сложенный вчетверо лист почтовой бумаги. Полицмейстер развернул его и вслух прочел:

– «Степан Иванов Раков, если завтра до одиннадцати часов утра в дупле старой липы в Воронежском саду напротив дома мещанина Терпугова мы не обнаружим тысячу рублей ассигнациями, твой двухэтажный дом с флигелями и все лавки на торговых площадях сгорят дотла! Если же обратишься в полицию, лишишься жизни».

– Хм-м, злоумышленники совсем не церемонятся, – покачал головой Хитрово-Квашнин. – Огнем, смертью грозят, негодники!.. Что собираешься предпринять, дружище? Слабо верится, что это чья-то шутка, уж больно угрожающее послание.

Меньшиков бросил взгляд на напольные часы и поджал губы.

– Половина одиннадцатого. Времени в обрез!.. И чего ж ты, Степан Иванович, тянул? Чего ждал?

– Да я всю голову сломал! – возопил купец, страдальчески хмуря брови. – Кладу в карман тысячу рублей, а сам в сумлении. Иду со двора, сажусь в дрожки, голова кругом идет, все кумекаю. Решаюсь, наконец, трогаюсь с места, плетусь по Церковной к Воронежскому саду, и вдруг мысль: «Куда тебя несет, пень замшелый? Испужался, старый черт!». Развернулся и погнал кнутом лошадку в Управу благочиния...

– Ладно, что теперь об этом толковать. Поздно мертвому ребра простукивать, как говаривал наш полковой лекарь Спиридонов... Знаешь, где стоит та старая липа, Степан Иванович?

– Знаю, она там одна с дуплом и есть.

Меньшиков оторвал кусок оберточной бумаги, скомкал и вручил купцу.

– Вот этот комочек бумаги и положишь в дупло. А потом отправляйся домой. Ничего не бойся, полиция присмотрит за твоим домом и лавками.

Раков со вздохом поклонился и нахлобучил картуз на голову. Беспрестанно бурча себе что-то под нос, он застучал подкованными сапогами и, держась по-стариковски за поручни, спустился с крыльца на утопанную землю.

– Унтер-офицер Свешников! – выкрикнул полицмейстер, сверкнув глазами и потирая от возбуждения руки.

В дверях возникла высокая жилистая фигура, встав навытяжку.

– Полицейскую коляску, быстро!.. Тьфу, ты наказание! В одной Сериков уехал, другая на пожаре, третья на соляном складе!.. Евстигней Харитоныч, не одолжишь бричку?

– Непременно! И поедем вместе. Крайне любопытно, кому же вздумалось пощекотать нервишки вымогательством?

– Свешников, поедешь со мной! – приказал полицмейстер. – На дежурстве оставим кого-нибудь из толковых рядовых.

Спустя минуту Хитрово-Квашнин, Меньшиков и унтер-офицер сели в бричку и тронулись вслед за дрожками Ракова. Проезжая мимо собора, они слышали, как служилась в нем обедня. «Благословенно царство Отца, и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков», возглашал протоиерей. «Аминь», слаженно подпевал ему хор. Митрофану было приказано сохранять дистанцию между экипажами в полусотню сажень. Спустившись по Соборному спуску, дрожки миновали Вознесенский храм, бывший когда-то соборным, и, преодолев

подъем Церковной улицы, через два квартала подкатили к Дубовой роще или Воронежскому саду, учрежденному на окраине Петродара в 1806 году указом императора. Купец слез на землю и углубился в рощу. Подойдя к старой раскидистой липе, он украдкой посмотрел по сторонам и засунул в дупло то, что дал ему полицмейстер. Затем перекрестился, вернулся к дрожкам и поехал обратно. Бричка же, проехав дом Терпугова, притормозила на противоположной стороне Церковной, у жилища мещан Токаревых, откуда хорошо просматривалась вся округа. Митрофан по приказанию хозяина спрыгнул с козел и стал для вида подтягивать упряжь. Полицмейстер со Свешниковым, оставаясь в кузове брички и сжимая оружие, внимательно следили сквозь стеклышко задернутой занавески за той частью рощи, где росла старая липа. Вот мимо нее, весело гомоня, промчалась стайка мальчишек, проковылял, опираясь на клюку, седовласый старик с сумой через плечо, прошли двое молодых горожан в сюртуках, ведя оживленный разговор. Показалась женщина средних лет в истертом салопе и сером, выдавшим виды платке. Оказавшись невдалеке от липы, она вдруг быстро засемила к ней, сунула руку в дупло и, вытащив кусок бумаги, заторопилась к другому концу рощи.

– Ее послали, – сказал Меньшиков, обменявшись взглядом с Хитрово-Квашниным. – Что ж, она приведет нас к кому надо... Свешников, следуем за ней!

Полицмейстер с унтер-офицером, оставив кузов, бросились по стопам женщины и быстро исчезли в зелени рощи. Хитрово-Квашнин минут десять провел в томительном ожидании. Кто набрался смелости подкинуть купцу письмо с угрозами, думал он. Может, это одиночка? Какой-нибудь торговец, попавший в отчаянное положение? Или промотавшийся дворянин? Послал горожанку к дуплу и поджидает ее на другом конце рощи... Лишь бы этот подлец ничего не заподозрил! А если все затеяла группа мошенников?... Неуж-то Ракову и впрямь угрожает смертельная опасность?... Наконец, среди стволов деревьев замелькали мундиры полицейских. Меньшиков шел впереди, и по выражению его лица ничего нельзя было понять. Дело прояснилось, когда он сел в бричку и заговорил:

– Мы со Свешниковым старались, как могли, но все впустую. Мошенники заметили нас и, прыгнув в коляску, укатили вниз по Куликовской. К дуплу они подрядили сходить за цельковый мещанку Артемову. А теперь самое интересное. Высокий мошенник был одет в черный фрак и светлые панталоны, его сообщник – в темно-синий сюртук и темные клетчатые брюки!

– Пара, обчистившая Соколова?

– Выходит, что так...

– К приметам что-нибудь добавилось?

– От таких, как Артемова, толку всегда чуть... Один, говорит, фигурой тонок, лицом бел, видно, дворянин, другой, коренастый и бородатый, из простых. Вот и все, что удалось выжать из нее!.. Ну, нечего здесь торчать! Митрофан, поворачивай обратно!

На Соборную площадь бричка въехала, когда служба в храме подходила к концу – весь приход громко и слаженно выводил «Отче наш». Оказавшись в Управе благочиния, Меньшиков и Хитрово-Квашнин сели в кресла и разожгли свои трубки. Пока они, выпуская клубы дыма, делились впечатлениями о событиях этого утра, обедня завершилась. В окно было видно, как прихожане потянулись из храма наружу. Меньшиков присмотрелся к одному из них, высокому худощавому дворянину в черном фраке, черных панталонах и такого же цвета цилиндре, шедшему по направлению к Управе благочиния.

– Коллежский ассессор Охлябинин! – воскликнул он, вынув изо рта трубку с изогнутым чубуком. – Борисоглебский крупный помещик, приятель губернатора. И, судя по всему, по мою душу.

Худощавый дворянин, которому было лет за сорок, дверь изволил распахнуть тростью. Его удлиненное, чисто выбритое лицо, выглядело крайне недовольным. Постукивая по раскрытой ладони набалдашником, выполненным в форме ощерившейся головы черной пантеры, он окинул кабинет коротким взглядом и остановил его на полицмейстере.

– Павел Николаич, сказать, что я возмущен, ничего не сказать. Меня трудно вывести из себя, но это случилось. При выходе из храма я не обнаружил в карманах ни кошелька, ни табакерки! Из соборного храма, заметьте! У вас мошенники просто не знают удержу!

– Но, Андрей Сергеич, как?.. Когда?..

– Только что. Надеюсь, вы сделайте все, чтобы вернуть похищенные вещи. Табакерка с вензелем из самоцветов – подарок любимой женщины... Она для меня бесценна! Тому, кто отыщет ее, я обещаю отдать во владение принадлежащий мне дом в Петродаре.

– Да мы, тово, Андрей Сергеич, разобьемся в лепешку, проявим все наше рвение!

– Извините, сударь, – вставил слово Хитрово-Квашнин, обращаясь к хмурому помещику. – Во время обедни вы ничего подозрительного не заметили? Ну, может быть, кто-то слишком близко подошел к вам или толкнул невзначай?

Охлябинин едва удостоил штабс-ротмистра взглядом.

– Нет, ничего такого не припомню... Хотя, погодите, одному из рядом стоявших прихожан стало дурно. Я и удержал его от падения. Еще удивился: молодой человек появился в церкви в конце литургии, и вдруг обморок!

– Как выглядел обморочный господин? Во что был одет?

Охлябинин на секунду призадумался, коснувшись набалдашником трости полей цилиндра.

– Лица не разглядел, а одет он был в черный фрак и светлые панталоны.

Полицмейстер и штабс-ротмистр при этих словах многозначительно переглянулись.

– До скорого свидания! – строго бросил коллежский асессор и, прищурив глаза, ровной поступью вышел из кабинета.

В полицмейстерской повисла тишина.

– Ну и денек! – Меньшиков шумно выдохнул через нос, опустил на стул и вытер платком со лба проступившие капельки пота. – Прямо голова идет кругом!

Хитрово-Квашнин подошел к окну и, покуривая трубку, стал смотреть на Соборную площадь. Толпа у храма к этому времени схлынула, экипажи, кроме коляски, запряженной парой гнедых, разъехались в разные стороны. Окинув одинокий экипаж более пристальным взглядом, штабс-ротмистр вдруг понял, что где-то видел его. Где же?.. Ну, конечно, на Усманской, у штофной лавки мещанина Попова.

– Это же коляска Соколова! – воскликнул он, указывая на экипаж пальцем.

– Что? – пробормотал Меньшиков, все еще находясь под впечатлением разговора с Охлябининым.

– Говорю, коляска Соколова стоит у собора... Избавиться от нее мошенники решили именно здесь.

Едва прозвучали эти слова, как в кабинет влетел запыхавшийся полицейский и, щелкнув каблуками, вытянулся в струнку. По всему видно было, что он принес важные вести.

– Что еще не так, черт возьми?! – вскочил на ноги полицмейстер. – Опять пожар?

– Никак нет, вашбродь! От частного пристава Выродова. Убийство в доме Водошниковых!

ГЛАВА 4

Легкая бричка с откидным верхом, влекомая соловым и чубарым, миновав собор, выехала на Дворянскую, широкую и хорошо вымощенную. Оставив позади дюжину усадеб, она плавно подкатила к утопавшему в зелени лип одноэтажному особняку с портиком и колоннами на парадном фасаде. Первым из экипажа, придерживая шпагу, выбрался среднего роста светловолосый мужчина в зеленом мундире и ботфортах, следом – высокий штабс-ротмистр с тростью и дорожным саквояжем. Одернув одежду, они направились к толпе зевак у ворот.

Светловолосый шагал широко и размахисто, его спутник, шатен с карими глазами, немного припадал на правую ногу.

– Раз-з-зайдись! – рявкнул дежуривший у калитки широкоплечий квартальный поручик, замахиваясь на любопытствующих горожан плеткой. – Заслонили всю дорогу, черти!

Люди разом отхлынули от кованной витой ограды. Попятилась даже кауряя лошадь, впряженная в двухместные рессорные дрожки, да так, что кучеру, сидевшему на передке с самодельной трубкой в руке и точившему ляды с дворником, пришлось ее окорачивать. Пожилой дворник, высокий и сухой, как жердь, застыв с метлой в руках в палисаднике, поддержал активные действия полицейского служителя.

– Только вас, Агафон Прокопич, и слушаются. Чего, говорю, напираете, православные? Забор завалить надумали? А им хоть бы что.

– Да что с твоим забором сделается, Макар? – выкрикнули из толпы. – Авось, чугунный, не плетень.

– Кто приехал-то? – спрашивал коротышка-мещанин, вставая на носки и изо всех сил вытягивая шею.

– Тебе, Ермолка, только затылки разглядывать, – хихикнули позади него. – Полицмейстер пожаловал, Меньшиков.

– Верно, полицмейстер... А тот, с тростью?

– Бог его знает...

– Кажись, заседатель, – предположил заспанного вида горожанин, почесывая щетинистый подбородок.

– Ну и остолопы! – протянул квартальный поручик, поеживаясь от прохлады и качая в такт словам головой. – Бывшего капитан-исправника не узнали?.. Хитрово-Квашнин это!

– Харитоновский барин?! – воскликнул один из купцов. – Как это я не признал его?..

– Что, приходилось перед ним ответ держать?

– Давненько это было, до его отъезда в Подмоскovie, когда я еще в однодворцах значился. Привлек меня к суду, но, греха таить нечего, по делу... Толковый человек, справедливый, и смельчак, каких мало: один усмирил крепостных крестьян полковника Пахомова в Ивановке, взбунтовавшихся от притеснений управляющего. Ей Богу! Примчался в бричке, встал перед толпой и молвит, этак спокойно поглаживая усы: «Марш по домам, ребята, не то начну охаживать бока тростью. А с управляющим разберемся, слово дворянина!»

– Ишь, как лихо!.. И разобрался, с управляющим-то?

– Ведет себя с тех пор смирно. Должно быть, Хитрово-Квашнин здорово его прижал!

Пройдя по дорожке к портику с лепным гербом на фронте, прибывшие дворяне обогнули левый угол дома и остановились у крыльца, над которым возвышался мезонин с пятью окнами. На мраморных ступенях их поджидал частный пристав Павел Выродов, среднего роста, с обветренным лицом, обросшим густыми бакенбардами. Он был облачен в зеленый мундир, на голове его красовалась внушительная треуголка, на ногах – начищенные черные ботфорты. Позади него маячили квартальный надзиратель Муратов и отставной поручик Зацепин. Первый, высокий и широкоплечий, с резкими чертами лица, стоял, не двигаясь, словно пригвожденный. Другой, поджарый и проплешистый, ежесекундно менял положение ног, показывая свой длинный нос то из-за одного плеча частного пристава, то из-за другого.

– Доброе утро, Павел Николаич! – пожал руку полицмейстеру Выродов, придерживая болтавшуюся на перевязи шпагу. – Рад встрече, Евстигней Харитоныч!.. Дважды сегодня пришлось приезжать к Водошниковым. Сначала домушник в кабинете поработал, а потом... Иннокентий Власыч, тово, мертвый сидит у себя в кабинете...

– Сейф нараспашку, ни денег, ни драгоценностей! – вставил Зацепин, оттесняя частного пристава.

Тот, фыркнув, с силой двинул ему локтем в бок.

– Павел Николаич, ради Бога, прикажите удалить отсюда господина Зацепина. Сил нет! Путается под ногами, везде сует свой нос, надоел хуже горькой редьки!

– А что я?.. Я ничего, по-соседски пришел посмотреть, что да как. Подсказки же мои, кто не знает, дорогого стоят... Вы, Павел Иванович, только делаете вид, что разбираетесь во всем, а, на самом деле, от вас ни шерсти, ни молока, грош цена в базарный день!

– Подсказки?.. Да у вас один ветер в голове!

– Может, и ветер, зато мысли всегда свежие.

Губы Хитрово-Квашнина тронула улыбка, полицмейстер же, бросив короткий взгляд на поручика, нахмурился.

– Шли бы вы домой, Ардалион Гаврилыч. Люди у меня компетентные, им ваши подсказки с мыслями даром не нужны.

– Слышали? – воскликнул Выродов, хватая оппонента за рукав.

– Но-но, попрошу без рукоприкладства! – возмутился Зацепин, сведя брови к переносице.

– Успокойтесь, господа! – вмешался штабс-ротмистр. – Павел Иванович, Ардалион Гаврилыч, проявите благоразумие.

– Вот кого надо призвать к порядку! – заявил поручик, кивая на пристава. – А я держу себя в рамках.

Он одернул свой военный мундир, поправил фуражку и демонстративно сделал пару шагов в сторону, увеличив расстояние между собой и Выродовым.

– Жаль Иннокентия Власыча, – с печалью в голосе произнес Меньшиков. – Ему бы жить да жить... Ну, то, что вор в кабинет понаведалься, ладно, бывает, а тут – на тебе, смертоубийство! И кому вздумалось учинить такое?

– Беда! – сокрушенно покачал головой Зацепин. – И подумать только, прямо у меня под боком!

– Надо бы хуже, да некуда! – вздохнул полицмейстер. – День не задался с самого утра: то пожар на нижней мельнице, то эти чертовы мошенники! Обокрали Водошниковых, обчистили Соколова, пытались вымогать деньги у купца Ракова, у борисоглебского дворянина Охлябинина на обедне стащили кошелек с деньгами и золотую табакерку!.. Одна шайка-лейка, заметьте! На вас уповаю, Павел Иванович. Бог с ним, с кошельком, табакерка с вензелем из самоцветов дорога коллежскому асессору. Не что-нибудь – подарок любимой женщины!.. Охлябинин уверяет, что напишет дарственную на свой дом в Петродаре тому, кто вернет пропавшую вещь... Да, это важно, в церкви одному из двух мошенников стало дурно. Охлябинин и удержал его от падения... Вот вам их приметы.

И Меньшиков подробно описал внешний вид гастролеров.

– Но постойте, а что же с убийством Водошникова? – нахмурился Выродов. – Только что произвели обыск, принялись было за опрос...

– Об этом можете не беспокоиться! К расследованию привлечен Евстигней Харитоныч. Опыта в таких делах ему не занимать. Столько дел распутал, когда служил капитаном-исправником, возглавляя нижний земский суд!.. В гости ко мне пожаловал, мы с ним давние приятели... Так что, Павел Иванович, принимайтесь за работу. Не мешкайте, по горячим следам и ловить паршивцев! – Полицмейстер наклонился к уху Хитрово-Квашнина. – Почему бы тебе, мой друг, в свободное от расследования время не заняться этими мошенниками. Опыт имеется, знание воровских привычек тоже. С помощью Зацепина запасешься фактами, пораскинешь мозгами. А там глядишь и выследишь подлецов! Меня выручишь и себе подарок сделаешь. Ведь дом у Охлябинина на Дворянской совсем неплох. Видел, поди?

– Это тот, что ранее принадлежал наследникам уездного лекаря Подгородецкого?.. Хм-м, я ведь, по большому счету, за тем и приехал в Петродар, чтоб ты показал мне какой-нибудь привлекательный домишко, состоящий в продаже... Надумал-таки совершить покупку. Жить

зимой в деревенской глуши, где волки воют и выюги, признаться, не очень весело!.. В прошлом году уж почти решил сделать приобретение, да заботы не позволили.

– Вот и карты тебе в руки! – воскликнул Меньшиков, пожимая руку штабс-ротмистру. – Дерзай!

– Собственно, попробовать можно.

Хитрово-Квашнин на мгновение задумался. По пути к дому Водошниковых дал согласие на расследование убийства, теперь же подрядился заняться мошенниками. Не тяжеленько будет?.. Справишься?.. Ничего, где наша не пропадала!

– Лев Иваныч, – обратился к квартальному надзирателю Выродов. – Введите Евстигнея Харитоныча в курс дела, расскажите о предварительном расследовании.

– Не извольте беспокоиться, – заверил Муратов, бросив недовольный взгляд на Хитрово-Квашнина, к которому не испытывал ни малейшей симпатии с тех самых пор, когда штабс-ротмистр, будучи в капитан-исправниках, выставил его перед дворянством не в лучшем свете.

Хитрово-Квашнин наклонился к Меньшикову и сказал несколько слов.

– Лев Иваныч, как закончите, отправляйтесь на помощь своему начальнику, – повернулся тот к Муратову. – Вас заменит здесь господин Зацепин... Так, Павел Иваныч, не ваши ли дрожки стоят у ворот?

– Мои.

– Подбросьте меня к Управе... Евстигней Харитоныч, где собираешься остановиться на ночлег? Если что, мой дом к твоим услугам!

– Благодарствую! Там видно будет.

– Не зайдете посмотреть на покойника, Павел Николаич? – спросил Выродов, посмотрев на Меньшикова.

– Спешу, голубчик, спешу! Взгляну на него, когда будем провожать в последний путь до Евдокиевского кладбища.

– Я только скажу Водошниковой, что следствие будет вести штабс-ротмистр... Вы знакомы с Амалией Елисеевной и ее сестрами, Евстигней Харитоныч?

– Только с Амалией Елисеевной. Вместе отдыхали в прошлом году на местных Водах.

Минуту спустя полицмейстер с частным приставом прошли по дорожке, сели в экипаж и покатали по Дворянской в сторону собора. Хитрово-Квашнин, проводив их взглядом сквозь листву, крикнул своему кучеру.

– Найди конюха, Митрофан. Пусть загонит бричку на двор, распряжет лошадей и задаст им корму. Помогите ему там.

Светловолосый крепыш соскочил с козел и показался у калитки.

– Управимся, ваша милость!

Хитрово-Квашнин одобрительно кивнул и остановил взгляд на квартальном поручике, который продолжал зорко следить за толпой перед оградой.

– Послушай, милейший...

– Унтер-офицер Талдыкин, вашеество! – развернувшись, полицейский вытянул руки по швам.

– Проследи, чтоб все было в порядке. К дому и близко никого не подпускать!

– Будет исполнено!

– Смотри у меня! – погрозил Талдыкину кулаком Зацепин, сделав страшное лицо. – Чтоб ни одна сволочь не перескачила через ограду!

Хитрово-Квашнин повернулся к отставному поручику.

– Давненько мы не встречались, Ардалион Гаврилыч. Все в заседателях?

– Вот уж третий срок кряду! На данный момент в отпуске. А насчет встреч... Вы безвылазно в своей Харитоновке, я то в Петродаре, то в имении. Где ж нам видеться?

– Сделал бы как-нибудь крюк да заглянул ко мне. Посидели бы, вспомнили старое, положили бы карасей и карпов в барском пруду... Ну, и когда же изволил стать соседом Водошниковых?

– Без малого два месяца. Дом ранее принадлежал майору Егору Федоровичу фон Винклеру, рязанскому дворянину. Супруга моя выложила ему за усадебное место с домом и флигелем полторы тысячи ассигнаций... Вы, оказывается, тоже не прочь прикупить домик в Петродаре?... Правильно, зимой в городе общество, веселые вечеринки, приемы разные, а в деревне что? Мужики, бабы да еще хандра, совсем одичаешь!.. А как же обстоят дела с новым господским домом в имении?

– Отделку потихоньку заканчиваю. Первое время ютиться приходилось в старом гостевом флигеле. Между прочим, на постройку каменных хором пошли деньги от продажи драгоценностей, найденных в Отраде.

– Вот как!.. Это радует... Вы упомянули Отраду. Часто думаю о тех убийствах на имениях Елены Пантелеевны... Жуть какая-то, правда?.. А отделка, известно, дело мучительное, утомительное. Возьмешься за нее, конца края не видно. Недавно я штукатурил садовый домик в имении. Кажется, сущая дрянь, дел на один чих, ан нет, бездну времени потратил! А все потому, что все эти Мишки да Гришки из дворян такие лодыри, что любое, самое ничтожное, дело...

– Так, Лев Иванович, – обратился штабс-ротмистр к надзирателю, не дослушав словоохотливого поручика, – нечего тут топтаться, ведите к месту злодеяния... Врач здесь?

– Чего-с? – переспросил Зацепин, вытянув шею.

– Ардалион Гаврилыч, кому был задан вопрос?

Поручик забежал глазами и шумно выдохнул через нос.

– Штаб-лекарь? – буркнул квартальный надзиратель, поправляя выглаженный зеленый мундир. – Тут, где ж ему быть?

Собравшиеся в вестибюле дворовые люди, кланяясь, расступились перед господами. Многие из них не сводили глаз с высокой и представительной фигуры отставного штабс-ротмистра.

– Список всех присутствующих в доме составлен? – продолжал осведомляться Хитрово-Квашнин.

Зацепин держал язык за зубами, но видно было, что молчание давалось ему с большим трудом.

– Составлен, – выдавил из себя квартальный надзиратель. – Привлекли понятых, написали протокол осмотра.

Он провел штабс-ротмистра и поручика через вестибюль в центральный коридор, разделявший жилую и парадную анфилады дома. У входа в изолированный кабинет, располагавшийся в восточной угловой комнате парадной части, стояли хозяйка, ее дети и гости. Завидя Хитрово-Квашнина, дворянки, ведущие оживленный разговор, смолкли.

– Добрый день, Евстигней Харитоныч, – произнесла хозяйка дома, Водошникова. Русоволосая, со следами былой красоты на лице, она была одета в муаровое платье цвета чайной розы. – Если его можно назвать добрым.

– Да уж, – вздохнул отставной офицер, целуя протянутую руку. – Мои соболезнования, Амалия Елисеевна.

– Благодарю. Ужасная трагедия! Никогда не думала, что в моем доме случится такое... Знакомьтесь, родные сестры, старшая, Евпраксия Сотинская, младшая, Аделаида Аристова. А это, – сказала она, указывая на плотного бородатого человека в темно-коричневом сюртуке, жилетке и белых панталонах и высокую, худую даму в темно-синем платье простого кроя. – Мой деверь, московский 1-й гильдии купец Аркадий Власыч Водошников и его двоюродная

сестра коллежская ассессорша Екатерина Евстафьевна Несмелова... Сыновья, дочь, племянники, наконец, наш иностранный гость Бэзил Эддингтон.

Старшая сестра Амалии Елисеевны, Евпраксия Сотинская, среднего роста шатенка с простой прической и в платье из лилового батиста, краешком рта улыбнулась штабс-ротмистру. Случившееся в доме не могло не наложить на нее свой отпечаток. С лица козловской дворянки не сходило выражение легкого испуга и растерянности. Переживала и младшая сестра, Аделаида Аристова. Во многом похожая на дочь Водошниковых, Ольгу, блондинка была бледна и подавлена. Лицо худощавой брюнетки Несмеловой не показывало никаких признаков волнения.

– С приездом, сударыни. – Хитрово-Квашнин коснулся губами рук сестер. – Решили отдохнуть на Водах? Правильно поступили. Зачем ехать за тысячи верст в какой-то там Баден-Баден, Франценсбад или Карловы Вары, ежели в самой, что ни на есть глубинной России, есть такое благодатное место, как Петродарский курорт?! Уверяю, вам непременно понравится. Года два назад одна знакомая дворянская семья, закончив пребывание на наших Минеральных водах и уезжая восвояси, заверила меня: «Мы оставили здесь свои сердца». Трогательно, не правда ли?.. Когда же изволили пожаловать?

– Третьего дня, и вот как все обернулось! – покачала головой Аристова, облаченная в полупрозрачное платье в греческом стиле – с завышенной талией, лентой под грудью и глубоким вырезом.

Хитрово-Квашнин взглянул на сорокалетнего иностранца, в меру высокого, подтянутого, хорошо одетого, с невозмутимым видом прислонившегося плечом к стене и читавшего какую-то зарубежную газету.

– Судя по всему, вы уроженец туманного Альбиона. Как вам Россия? Медведей на улицах наших городов еще не встретили?

Англичанин нехотя оторвал светло-голубые глаза от газеты, посмотрел на штабс-ротмистра и произнес на ломанном русском:

– Я не встретить, но все может быть.

Хитрово-Квашнин хмыкнул и, кивнув Муратову и Зацепину, шагнул к двери кабинета. По знаку хозяйки лакей с поклоном открыл ее.

ГЛАВА 5

Одетый в домашний сюртук и мягкие светлые панталоны надворный советник Иннокентий Водошников сидел в большом, обитом бардовым бархатом, кресле, уронив голову на откидную столешницу секретера, расположенного справа от двери. В его затылке торчал нож с костяной рукояткой в виде стилизованно изображенной головы хищной птицы. Убийца ударил дважды. Из первой раны вытекло много крови – со столешницы она натекла на паркетный пол, образовав круглую лужицу размером с поднос.

Хитрово-Квашнин пожал руку штаб-лекарю Вайнгарту, скользнул взглядом по картинам, развешанным на стенах со штофными обоями, и снова перевел его на убитого. Голова надворного советника лежала между бронзовой чернильницей и серебряным подсвечником. Широко раскрытые глаза его были обращены на окно бокового фасада. В них смутно отражались слегка покачивающиеся от ветра вишневые деревья и кусочек неба.

– Водошников ничего не успел понять, – сказал негромко штаб-лекарь. – Смерть была почти мгновенной.

Хитрово-Квашнин задумчиво кивнул головой.

– Опять мы, Осип Петрович, встретились там, где пролилась кровь!.. Эти убийства в Отраде, помните?

Медик поправил круглые небольшие очки и близоруко сощурился.

– Еще бы! Разве такое забудешь?.. А, знаете, горничная Феклуша выкарабкалась.

– Крепкая девица! Толкуют, на днях вышла замуж.

– Вот как?.. В таком случае счастья ей семейного!

– До сих пор помню, как нам удалось провести убийцу новостью о состоянии Феклы! – вставил Зацепин, раздуваясь от гордости.

Штабс-ротмистр оставил замечание поручика без внимания и продолжил осмотр. Наклонившись над убитым, он вытащил небольшой нож из раны.

– Хм-м.. вещица с виду вроде игрушки, а дело сделано, человека нет... Вот и ножны!

На секретере черного сандалового дерева среди фарфоровых наяд и русалок стояла изысканная костяная статуэтка кречета без головы. Хитрово-Квашнин вытер листом скомканной бумаги кровь с клинка и воткнул его в щель в верхней части статуэтки – композиция вновь обрела законченность и красоту. Грозные глаза хищной птицы с белоснежным оперением были устремлены вверх, казалось, они зорко высматривают добычу.

– Добротная поделка! – сказал штабс-ротмистр. – Что ж, Осип Петрович, когда, по-вашему, произошло убийство?

Вайнгарт снял очки и стал методично протирать их носовым платком.

– Водошников убили около одиннадцати. Характер ранений указывает на то, что почти наверняка их нанесли левой рукой. Второй удар был смертельным – острое угодило в точку, где череп соединяется с шеей. При повреждении продолговатого мозга человек перестает дышать, а сердце – биться.

– Значит, убийца – левша?

– Очень может быть. Имейте также в виду, поскольку клинок короткий, рукав убийцы мог запачкаться кровью из первой раны. Полюбопытствуйте.

– Вы правы, Осип Петрович, – кивнул расследователь после недолгого осмотра. – Рукав злодея вполне мог коснуться крови в момент нанесения второго удара.

Хитрово-Квашнин вынул из нагрудного кармана блокнот и внес карандашом важную информацию. Пользоваться блокнотом его заставила сама жизнь – в недавнем прошлом он понадеялся на свою память, а она его предательски подвела. Пройдясь по кабинету, заглянул в гардеробную, осмотрел сейф, обитый внутри красным бархатом, книжный шкаф, письменный стол. Окно, выходившее в палисадник правого бокового фасада дома, оказалось не закрытым на задвижку, и Хитрово-Квашнин выглянул наружу. Внизу зеленела трава, алели пионы и тюльпаны. Кусок отмостки и песчаная дорожка к колодцу с воротом, окруженному сиренью, были аккуратно подметены. Он посмотрел в окно по парадному фасаду здания – отмостка и палисадник здесь чистотой не отличались.

– Вот, черт! – послышался недовольный голос Зацепина. Суетясь возле убитого, он угодил сапогом в самый центр кровавой лужи, отпрянул и, не удержавшись на ногах, сел в кадку с кактусом.

– Ардалион Гаврилыч! – осуждающе протянул штабс-ротмистр. – Топчешься тут как лошадь!

– Нечаянно я, – наморщил лоб поручик, вставая на ноги. – Больше не буду.

– Ну, дитя-переросток, честное слово! – проговорил Хитрово-Квашнин, покачав головой.

Отвернувшись от окна, он попросил помощника пригласить в кабинет хозяйку дома. Тот бросил вытаскивать колючки из штанов и выскочил вон. Водошников вошла спустя секунду. Покосившись холодными голубыми глазами в сторону убитого мужа, сохраняя самообладание, она мелко перекрестилась и перевела взгляд на расследователя.

– Амалия Елисеевна, окно слева от секретера не закрыто задвижкой, – обратился к ней тот. – Что скажете по этому поводу?

– Ах, это... Иннокентий Власыч любил в теплую погоду посидеть в кабинете при открытом окне. Прежде кабинет располагался в жилой, северной анфиладе дома, куда не проникают лучи солнца. Года три назад муж перенес его сюда, восточную часть дома, в бывшую парадную спальню. Пробил дверь в центральный коридор и изолировал от бильярдной. Выход в коридор из торцевого помещения для прислуги заложил камнем. В одной половине его устроена гардеробная, другая половина с приоткрытым окном, как видите, стала продолжением кабинета.

– Подойдите ко мне, пожалуйста... Вгляните, дворник ваш всегда так старателен?

Амалия Елисеевна подошла к окну и посмотрела на палисадник и отмостку.

– Чистота-то какая! – удивилась она. – Вот так подметал Макар, отставной дворник. Сын его, Панфил, работник совсем никудышный. Сколько раз его отчитывала, но ему все нипочем!.. Заложит за воротник и шляется по усадьбе без дела. Надоест лодырничать, начнет птиц с веток камнями сшибать или кошек и собак мучить. Так с Божьими тварями обходятся только какие-нибудь живодеры! Эти и на человека при случае руку поднимут!.. Не могу понять, откуда в сыне дворника столько жестокости? Прямо, беда с ним... Эй там, позвать сюда Панфила!

На зов откликнулся не Панфил, а его отец, Макар. Путаясь в сером длинном фартуке и кряхтя, он предстал перед хозяйкой с метлой в руках.

– А где ж Панфил? Опять, поди, к винной лавке или трактиру подался?

– Кто его знает. Поутру был здесь.

– Ох, и задам я ему на этот раз!.. А тебя вот зачем позвали. Не ты ли здесь так чисто подмел?

Старик, шурясь, поглядел под ноги и замотал головой.

– Тут уж подметено было, когда я взялся за метлу.

– Сын поработал?

– Он, стало быть.

– Ну, ступай себе, – отмахнулась от слуги дворянка.

Старик почесал затылок, пожал костлявыми плечами и заковылял прочь. Хитрово-Квашнин, отойдя от окна и держа наготове блокнот с карандашом, указал глазами на сейф, обитый красным деревом.

– Амалия Елисеевна, на какую же все-таки сумму разжился убийца?

Водошникова без колебаний ответила:

– Драгоценных камней и брильянтов в сейфе было на пятьдесят тысяч. В нем лежали также сотня двухсот рублевых ассигнаций и непредъявленные к взысканию вексели.

– Векселедатели из местных?

Водошникова кивнула.

– Купцы Болховитинов, Ключев и Расторгуев. Здешные воротилы, если так можно выразиться.

– О, да, – подтвердил Вайнгарт. – Известные коммерсанты! Не один десяток лет промышляют здесь выгодной торговлей. От дедов своих переняли сноровку.

– Хм-м, куш немалый! – потер подбородок Хитрово-Квашнин, глядя на хозяйку дома. – Весьма немалый!

– Брильянты муж планировал вложить в покупку имения возле села Фоновки, – объяснила Водошникова. – Он задумал приобрести его давно. Если память мне не изменяет, в первое лето нашего пребывания в Петродаре, после того, как владелец имения, коллежский советник Бахметьев, пригласил нас на свой юбилей. Иннокентий Власыч тотчас положил глаз на имение, но владелец отверг предложение, сославшись на какие-то обстоятельства... Кстати, сделка с Бахметьевым должна была состояться сегодня в два часа дня.

– Понимаю... Помню, года два назад господский дом в фоновском имении сгорел при крупном пожаре. В поджоге вроде бы обвинили какого-то беглого солдата. Ох, эти мне беглые!.. Беда и несчастье – их девиз! Где ни появятся эти молодцы, жди веселых денечков... Бахметьев,

надо отдать должное, не стал тянуть со строительством и возвел новый дом, гораздо лучше прежнего... Покупка держалась в тайне?

– Дети о ней ничего не знали. Чем старше становился муж, тем больше скрытничал. Проговорился об этом он в минуту гнева за утренним чаем.

– Вот как!.. А что же пропало утром из кабинета?

– Золотая статуэтка богини Фортуны, часы с золотой цепочкой, шкатулка с кольцами, перстнями и печатками, – вздохнула хозяйка. – Жаль часы, мой подарок мужу на первую годовщину свадьбы... Камердинер Игнатий глуховат, не услышал ничего подозрительного.

– Выходит, вор проник в кабинет через окно?

– Игнатий каждое утро его проветривает. По-видимому, забыл закрыть раму на защелку.

– Прохладно было утром для проветривания, вы не находите?

– Какой с Игнатия спрос? Стар уже.

– Хм-м, украденные вещи лежали на виду?

– Шкатулка хранилась в одном из потайных ящиков секретера. Не понятно, почему муж не отправил ее в сейф, который он приобрел с месяц назад в Москве у мистера Эддингтона.

– Англичанин торгует сейфами?

– Он представитель фирмы «Милнер и компания». После покупки супруг близко сошелся с ним в Английском клубе и пригласил в Петродар подлечить желудок. Бэзил ежедневно проходит на Водах все положенные процедуры, гуляет в парках. Особенно ему нравится Нижний или, как говорят горожане, «Аглицкий сад».

– Курорту есть чем гордиться, чего уж там... Ну, а сейф надежен?

– Вполне. Англичанин уверяет, что замочное устройство в несгораемом ящике сделано руками самого Джозефа Браммы. По его словам, замок, защелкнутый Браммой в конце прошлого века, не открыт по сей день, награда в двести гиней все еще дожидается владельца.

– Читал я про это пари еще у себя на родине, – сказал штаб-лекарь. – Джозеф Брама, в самом деле, был гениальным изобретателем. В 1790 году на витрине своего лондонского магазина он повесил объявление следующего содержания: «Мастер, который откроет сей замок, получит 200 гиней». Многие изъявляли желание повозиться с хитроумным устройством, дабы заполучить эти деньги, но все впустую.

– Надо же!.. Жаль, что русские умельцы не слышали об этом пари. У нас хватает мастеров-затейников!.. Хм-м, а о шкатулке знали в семье, Амалия Елисеевна?

– Иннокентий Власыч вчера, будучи подшофе, обмолвился, что в потайном месте секретера у него кое-что имеется.

– М-да... Язык мой – враг мой, прежде ума беды ищет... Скажите, в последнее время никто из домочадцев или слуг не замечал возле дома подозрительных лиц?

– Вроде бы нет. По крайней мере, ни о чем таком мне не сообщали... Евстигней Харитоныч, как вы полагаете, воров поймают?

– Дело под контролем Выродова. Это, знаете ли, опытный служака, на его счету не одно раскрытое преступление... Теперь, вот что, любезная Амалия Елисеевна: нам с Ардалионом Гавриловичем не мешало бы где-нибудь разместиться для производства дознания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.